

УДК 141.7:321.07

О. Е. Зуев

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия), e-mail: sura75_2010@mail.ru*

Категория представительного начала как производная решения проблемы определения народной воли

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу категории «народная воля» в философско-политической мысли и ее соотношению с представительным началом. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления традиционных моделей демократии и поиска новых форм легитимации власти в условиях трансформации общественно-политических процессов. Проблема заключается в том, что в либеральной традиции представительное начало преимущественно отождествляется с законодательной властью, что ограничивает спектр возможных форм выражения народного суверенитета. Цель работы заключается в выявлении взаимосвязи между различными онтологическими установками – атомистскими и холистскими – и соответствующими трактовками народной воли и механизмов ее институционализации.

Материалы и методы. Использован сравнительно-теоретический анализ философских концепций, что позволяет реконструировать глубинные основания противоположных подходов.

Результаты исследования показывают, что холистская установка ведет к признанию народной воли как целостного феномена и расширяет поле представительных форм, включая органы исполнительной власти и местного самоуправления. Атомистская установка, напротив, акцентирует внимание на индивидуальных интересах и ограничивает представительное начало преимущественно сферой законодательной деятельности.

Обсуждение и заключение. Обоснована необходимость выхода за рамки либеральной традиции, ограничивающей понимание представительства, и обозначены перспективы анализа новых форм участия и легитимации в условиях цифровизации и трансформации демократии.

Ключевые слова: народная воля, представительное начало, атомизм, холизм, либеральная традиция, демократия, разделение властей, парламентаризм, единоличный орган власти, слияние властей, права человека, индивидуализм, юридическая демократия, социальная демократия, народный суверенитет.

Для цитирования: Зуев О. Е. Категория представительного начала как производная решения проблемы определения народной воли // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2025. Т. 25, № 4. С. 363–380. DOI: 10.24412/2078-9823.072.025.202504.363-380.

The Principle of Representation as a Derivative of the Problem of Popular Will

Abstract

Introduction. The concept of “popular will” occupies a central place in political philosophy, yet its interpretation remains highly contested. Liberal political thought typically equates representation with legislative power, thereby narrowing the spectrum of legitimate institutional expressions of popular sovereignty. In light of contemporary transformations of democracy and political participation, a reconsideration of these categories appears increasingly relevant. The article seeks to reveal the relationship between different ontological assumptions – atomistic and holistic – and their influence on the understanding of popular will and the institutional forms of representation.

Materials and Methods. The study employs comparative theoretical analysis of classical and modern philosophical concepts. This approach makes it possible to reconstruct the underlying assumptions of opposing traditions and to trace their impact on the interpretation of representation.

Results. The analysis demonstrates that a holistic orientation leads to the recognition of popular will as a unified phenomenon, thus expanding the scope of representative forms to include executive institutions, local self-government, and elected officials. In contrast, an atomistic orientation emphasizes the primacy of individual interests and confines representation largely to the legislative sphere.

Discussion and Conclusion. The study substantiates the necessity of moving beyond the narrow framework of the liberal tradition and outlines perspectives for analyzing new forms of political participation and legitimacy in the context of digitalization and democratic transformation.

Keywords: popular will, principle of representation, atomism, holism, liberal tradition, democracy, separation of powers, parliamentarism, single-person executive, fusion of powers, human rights, individualism.

For citation: Zuev O. E. The Principle of Representation as a Derivative of the Problem of Popular Will. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia* = Russian Journal of the Humanities. 2025; 25(4): 363–380. (In Russ.). DOI: 10.24412/2078-9823.072.025.202504.363-380.

Введение

Проблема определения народной воли занимает важное место в философско-политической мысли, поскольку она непосредственно связана с легитимностью власти, демократическими механизмами управления и функционированием государственности. В условиях усиливающихся вызовов традиционным формам представительной демократии (снижение доверия к институтам, рост политического отчуждения, кризис партийных систем, усиление популизма и децентрализации) анализ представительного начала приобретает особую значимость.

Категория представительства, будучи фундаментом современных демократиче-

ских государств, часто воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Однако при более глубоком рассмотрении становится очевидным, что представительное начало не является исходной данностью, а представляет собой теоретическую и институциональную конструкцию, сформированную как ответ на сложную проблему: каким образом и в какой форме может быть выражена и институционализована народная воля в масштабах крупного политического сообщества.

Современные политико-правовые и философские дискуссии свидетельствуют о нарастающей необходимости переосмысления механизмов выражения народной воли

в условиях цифровизации, трансформации общественного участия и развития форм прямой и сетевой демократии. В этом контексте становится особенно актуальным вопрос: является ли представительное начало неизбежной формой выражения народной воли или это исторически обусловленный и потому подлежащий пересмотру конструкт?

Исследование представительного начала как производной от попытки разрешения проблемы определения народной воли позволяет не только проанализировать теоретические основания существующего государственного устройства, но и оценить перспективы его эволюции. Это особенно важно в условиях, когда традиционные формы легитимации власти подвергаются сомнению, а новые технологии создают иллюзию непосредственного участия народа в политическом процессе.

Обычно представительное начало отождествляется с парламентом как с главным институтом, выражающим и оформляющим народную волю. Однако это представление укоренено в ограниченной перспективе традиционной классификации форм правления. Между тем отвлечение от данной парадигмы открывает возможность рассматривать представительное начало как более широкую категорию, которая может воплощаться не только в коллегиальных органах, но и в выборных должностных лицах, обладающих политической ответственностью перед народом. Такая постановка вопроса позволяет по-новому взглянуть на природу государственной власти и более гибко подойти к анализу политико-правовых институтов.

Особую значимость эта идея приобретает в контексте анализа конституционно-правового развития Российской Федерации. Обычно изменения в Конституции 1993 г. интерпретируются через призму усиления авторитарных черт, централизации власти и отхода от принципов разделения властей.

Однако если исходить из более широкой трактовки представительного начала – как формы выражения и посредничества народной воли не только через парламент, но и через выборного главу государства – возникает альтернативная перспектива анализа. В этом случае многие изменения в конституционной архитектуре могут быть интерпретированы не только как проявление авторитаризации, но и как поиск иной модели представительства, более соответствующей российской политико-исторической специфике и социокультурным реалиям.

Ключевыми авторами, исследующими тему представительства и народной воли, являются представители классического подхода в исторических теориях представительства – естественно-правовых, народного суверенитета, их российской интерпретации, такие как Э. Ж. Сийес, Ж.-Ж. Руссо, В. М. Гессен.

Несмотря на богатство исторической теории, существует заметный недостаток анализа представительного начала вне парламентской институции – например, через выборных должностных лиц, губернатора, президента и др. Работы, ориентированные на это направление, редки.

Некоторым исключением является монография Р. Така [29], в которой исследуется историческая эволюция идеи суверенитета народа и ее отделение от формы правления, что облегчает понимание того, как понятия народной воли и представительства формировались в ответ на институциональные и философские вызовы.

Существует мало исследований, которые прямо рассматривают представительное начало как производную попытки определить народную волю, особенно в контексте изменений Конституции, институтов власти, когда власть концентрируется не в парламенте. В российских исследованиях сильна ориентация либо на либерально-демократическую, либо на авторитар-

но-консультативную интерпретацию форм правления. Теории, ставящие под сомнение доминирующую парадигму «парламентаризм vs авторитаризм», недостаточно развиты.

Лакуны в теории по теме «Представительное начало вне парламента» и в том, как оно проявляется в выборных должностных лицах и в конституционных изменениях, являются пространством для теоретических и эмпирических исследований. Тем более это касается проблемы выражения и представления коллективной воли и вопроса, должна ли она выражаться в коллективном же институте.

Представительное начало в рамках доминирующей либеральной парадигмы социально-политического знания отождествляется с органом законодательной власти. Однако предпосылки этого отождествления не являются чем-то само собой разумеющимся.

Для этого надо предположить как минимум наличие разделения властей как абсолютную ценность конституционного устройства, отсутствие которой позволяет объявить политический режим одиозным. Кроме того, это разделение должно быть совершенно определенным: на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти. Без этого допущения просто неоткуда будет взяться категории органа законодательной власти.

При этом нужно иметь в виду, что необходимость разделения властей абсолютизируется исключительно в рамках либеральной парадигмы; другие направления социально-политической мысли, также принимающие в качестве абсолютной ценности народовластие, не считают механизм разделения властей необходимым и единственным условием для воплощения народовластия.

Даже если признавать ценность разделения властей как элемента системы сдер-

жек и противовесов для предотвращения злоупотребления властью как таковой, деление власти именно на законодательную, исполнительную и судебную не является универсальным. Деление власти на законодательную, исполнительную и судебную является только одной предпосылкой отождествления представительного начала с органом законодательной власти. Второй предпосылкой является допущение, что орган законодательной власти способен выразить народную волю.

Относительно проблематики настоящего исследования вторая предпосылка является более важной: концепция разделения властей связана с негативистским пониманием прав человека, когда главной задачей была защита человека от произвола государства, максимальное разграничение государства и человека, минимизация их проникновения в дела друг друга, а такое максимальное разграничение противоречит задаче расширения политического участия. При современном обеспечении гарантии политического участия граждан защита граждан от произвола государства является не столь актуальной, поскольку политическое участие делает граждан частью государства. В самом деле, чем шире политическое участие, тем сильнее растворение границ между государством и гражданским обществом, как в эпоху прямой полисной античной демократии, когда каждый гражданин был членом народного собрания и последнее, по определению, не могло принимать антинародные решения, поэтому гражданина от государства защищать не требовалось. Таким образом, чем лучше воплощено народное представительство в законодательном органе в рамках представительной демократии, тем менее актуальной становится необходимость разделения властей.

В рамках настоящего исследования было осуществлено абстрагирование от проблемы

разделения властей, а внимание сосредоточено на способности органа законодательной власти выражать народную волю.

Многими современными исследователями такая способность ставится под сомнение, однако, по их мнению, это связано с некоторыми современными особенностями политического процесса [5; 12; 17; 18; 20–23, 26–28; 30].

В рамках настоящего исследования ставится более абстрактный вопрос: способен ли орган законодательной власти в принципе воплощать народную волю и что такое народная воля? Точнее, как формируется единая народная воля из индивидуальной, является ли она суммой векторов индивидуальной воли или чем-то другим.

Собственно, эта проблематика в той или иной степени решена в рамках имеющих очень глубокие корни и огромное влияние теоретических традиций, опирающихся на антиномичные априорные установки холизма и, соответственно, атомизма. Нас же интересует понятие коллективной воли и соотношение, с одной стороны, представления об этом понятии, с другой – убежденности в том, что коллективная воля может воплощаться исключительно в коллективном институте власти. Подробное рассмотрение истории эволюции этого представления, возможно, позволит дать основание и развитию противоположной идеи: представительное начало может воплощаться не только в органе законодательной власти.

Таким образом, проблемой настоящего исследования является соотношение формирования феномена народной воли и его отражения в законодательном собрании и других институтах, предопределяющих форму правления. Это отражение является представительным началом.

Цель исследования – определить, как в зависимости от трактовки категории «народная воля» менялись представления политических философов об идеальном кон-

ституционном устройстве, которое могло бы наилучшим образом воплощать представительное начало.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть эволюцию трактовки категории «народная воля».
2. Связать эту эволюцию с тем, как тот или иной теоретик решает проблему антиномии холистского и атомистского подходов к трактовке общества.
3. Описать модели идеального конституционного устройства в трудах мыслителей, в чьих теориях категория «народная воля» занимала важное место.
4. Проанализировать соотношение между категорией «народная воля» и моделями воплощения представительного начала.
5. Показать историческую ограниченность понимания воплощения представительного начала исключительно в законодательном органе власти в связи с демонстрацией детерминированности концепции разделения властей негативистским пониманием прав человека.
6. Вскрыть теоретические возможности поисков воплощения представительного начала в исполнительных органах власти.
7. Показать ограниченность понимания воплощения представительного начала исключительно в коллективном органе власти.
8. Вскрыть теоретические возможности поисков воплощения представительного начала в единоличном органе власти.

Материалы и методы

Ценность народовластия рассматривается как абсолютная: в рамках настоящего исследования анализируются только направления социально-политической мысли, принимающие эту ценность.

Теоретическую базу настоящего исследования составляют концепции, подчеркивающие несовершенство представительной

демократии по сравнению с прямой. Данное несовершенство состоит в потенциальном несовпадении интересов представителей и представляемых. При этом существуют определенные политические механизмы, направленные на предотвращение этого несовпадения, такие как императивные требования и угроза отзыва со стороны избирателей. Если такие механизмы действуют, то модель представительной демократии приближается к модели прямой, и проблема настоящего исследования снимается, поскольку народная воля в условиях прямой демократии получает возможность выражаться непосредственно.

Здесь автор солидарен с П. И. Новгородцевым, который писал, что если выполнение депутатами своих функций представительства не ограничено ни императивным мандатом, ни контролем депутата избирателем, обладающим правом отзыва, то это является тем самым изменением, превратившим идею народного суверенитета в идею представительного правления [13, с. 38–41].

Также автор солидарен с советской концепцией, согласно которой парламент как воплощение народовластия противоречит парламенту как органу народного представительства, по выражению А. А. Керимова¹. В соответствии с советской концепцией, где механизмы императивного мандата и отзыва депутата были как раз задействованы, парламент был органом прямого народовластия, а не народного представительства.

Советская система стремилась к максимальному обеспечению политического участия граждан. Это достигалось представительной властью, подконтрольной избирателям, сменяемой и переизбираемой

согласно воле избирателей и выполняющей их наказы. Поскольку такое политическое участие неотличимо от любой представительной демократии, отличительным признаком политического участия в советской системе становится выдвижение депутатов на собраниях трудовых коллективов предприятий. Там же формируются депутатские наказы. Таким образом предпринимается попытка сохранить элементы прямой демократии в рамках представительной: императивный мандат служит механизмом включения прямого народного волеизъявления в представительную модель. Насколько советская система преуспела в отходе от «буржуазной» представительной демократии – вопрос сложный, но, по крайней мере, она это декларировала.

В настоящем исследовании рассматривается именно проблема представительства, поэтому механизмы прямой демократии в какой-то мере остаются за скобками, за исключением проблемы неоднородности народа и неустранимости противоречия интересов даже при непосредственном изъяснении народом своей воли.

Такая проблема существует, как об этом свидетельствует античная политическая мысль, развившаяся в условиях прямой демократии. По крайней мере, проблема существования народной воли там ставилась²: согласно Саллюстию, народ составляют группы с непримиримыми (партийными) интересами, поэтому единая народная воля невозможна. Противоположную концепцию отстаивал Цицерон: согласно ему, единый общественный интерес существует, но лишь как противостоящий враждебным народам.

В современных условиях данное теоретическое противоречие воспроизводится в

¹ См.: Керимов А. А. Парламентаризм как фактор легитимности политической власти в современной России. Екатеринбург, 2015. С. 70.

² См.: Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения Республики. М., 1952. С. 234–235.

противостоянии концепций марксистско-ленинской ориентации и традиции, восходящей к К. фон Клаузевицу³. Согласно марксистско-ленинской концепции, общественного интереса быть не может, поскольку народ состоит из классов с антагонистическими интересами, которые ни при каких условиях не суммируются в единую народную волю⁴. К. фон Клаузевиц не отрицал антагонизма интересов классов, поскольку теория борьбы классов, обязанная существованием французской школе исторической науки, доминировала в общественной мысли XIX в. Однако он считал возможным исчезновение межклассовых противоречий перед лицом внешней угрозы, когда общенациональный интерес в противостоянии с внешним врагом становится настолько актуальным, что временно приглушает классовые интересы.

В Новейшее время последнюю концепцию развивает К. Шмитт с его идеей, что категория политического актуализируется только при осознании противоречия «свой – чужой»⁵.

Если допустить невозможность существования единой народной воли, поскольку народ состоит из групп с взаимоисключающими интересами, становится важной проблема партийного представительства. Эта проблема существовала и в условиях прямой демократии, но, поскольку она крайне актуальна и в условиях представительной демократии, можно считать, что все проблемы представительного начала охвачены теорией, имеющей дело только с представительной демократией.

При этом допущение о неоднородности народной воли влечет за собой проблему суммирования групповой или индивиду-

альной воли. В данном месте рассуждений исследование сталкивается с тезисом Э. Дюркгейма: «Целое больше, чем сумма его частей, поскольку оно предопределяет природу частей», и в зависимости от того, принимается этот тезис или отвергается, исследователь оказывается на одном из полюсов антиномии «атомизм – холизм».

Под атомизмом в настоящей работе будет пониматься изначальное допущение научной теории, согласно которому индивидуумы рассматриваются как первичные по отношению к обществу, а их взаимодействие – как основа формирования социальной структуры. Соответственно, под холизмом – исходное представление о том, что общество первично по отношению к индивиду, представляет собой целое, превосходящее простую сумму его частей, и выступает определяющим фактором поведения людей, выходящим за пределы их способности к осознанию и предвидению.

Все политические теоретики, исследовавшие представительное начало и его воплощение в конституционных формах, не могли избежать принятия либо холистской, либо атомистской априорной установки, поэтому крупнейшие фигуры, развивавшие теории либо одного, либо другого полюса данной антиномии, входят в теоретическую базу настоящего исследования. У истоков холистской перспективы стоят Э. Дюркгейм и К. Маркс, у истоков атомистской – А. Маршалл и маржиналистская экономическая теория, противопоставившая себя политэкономии, основанной на трудовой теории стоимости, а также все социально-политические теории, вдохновленные возможностями формализации, которые дает атомизм, по примеру экономической теории.

³ См.: Clausewitz C. von. Vom Kriege. Berlin, 1832.

⁴ См.: Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Л. Г. Моргана. М., 1950. С. 124.

⁵ См.: Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. 1992. № 1. С. 35–67.

Важным для обоснования необязательности выражения народной воли именно в законодательном органе власти является использование теоретических источников, позволяющих видеть историческую ограниченность концепции разделения властей и неуниверсальность разделения властей именно на законодательную, исполнительную и судебную, даже при принятии данной концепции.

Концепция разделения властей как элемент системы сдержек и противовесов возникла в связи с развитием идеи прав человека, понимаемых в негативистском ключе, т. е. в ключе необходимости защищать человека от государственной власти. Такое понимание прав человека стало возможным только в связи с возникновением понятия индивидуальности.

Понимания ценности человеческой индивидуальности не существовало в Античности. Однако идея разделения властей именно в качестве элемента системы сдержек и противовесов, хотя эта система так и не называлась, существовала и была воплощена в Конституции Римской республики. Подробное описание функционирования этой системы дал Тит Ливий⁶.

Разделение властей в римском варианте существовало исключительно как средство борьбы с потенциальным произволом единоличной власти. Возможность такого произвола мыслилась только при попытке реставрации монархии; речь о защите граждан от государства в условиях прямой

демократии не шла. Не шла речь и о возможности злоупотреблений со стороны выборного магистрата: в случае, если он не пытался стать монархом, у него не было таких возможностей при полном контроле гражданского общества над государством или даже отсутствия границ между государством и гражданским обществом. Теоретическое обоснование необходимости разделения властей было дано Полибием⁷ и Цицероном⁸.

Существуют и современные академические работы, которые анализируют римскую модель с точки зрения теории разделения властей [19; 24; 25].

В эпоху Античности в Римской республике разделение властей существовало в форме взаимных ограничений традициями, нормами, обязанностями и возможностью вмешательства (провокация, апелляция, права граждан) между институтами, образующими ассамблею, осуществляющую государственную власть (магистраты, сенат, народное собрание). Законодательные же, исполнительные и судебные функции часто у этих институтов пересекались.

Современная доктрина разделения властей восходит к античным⁹ и средневековым¹⁰ теориям смешанного правления. Впервые принцип разделения властей в том виде, в котором он понимается начиная с Нового времени, был сформулирован Ш. Монтескье в работе «О духе законов» (1748)¹¹. Ш. Монтескье вдохновляла английская конституция. Его работа оказала

⁶ См.: *Тит Ливий*. История Рима от основания города: в 3 т. / пер. с лат.; отв. ред. Е. С. Голубцова; ред. пер. М. Л. Гаспаров, Г. С. Кнабе; ред. комм. В. М. Смирин. М., 1989–1993.

⁷ См.: *Полибий*. Всеобщая история: в 3 т. / пер. с древнегреч. Ф. Г. Мищенко; вступ. ст. А. А. Тахо-Годи; примеч. М. Е. Сергеев. М., 1987–1996. Т. 2. С. 5–39.

⁸ См.: *Цицерон*. О государстве. De republica, I, 34 // The Latin Library. URL: <https://www.thelatinlibrary.com/cicero/repub1.shtml> (дата обращения: 19.09.2025).

⁹ См.: *Полибий*. Указ. соч. Т. 2. С. 5–39; *Аристотель*. Политика // Аристотель. Сочинения: в 4 т. М., 1983. Т. 4. С. 376–644.

¹⁰ См.: *Фома Аквинский*. О королевской власти к королю Кипра, или О правлении князей / пер. А. Марей // Социологическое обозрение. 2016. Т. 1, № 2. С. 96–128; *Его же*. Сумма теологии. М., 2019.

¹¹ См.: *Монтескье Ш. Л.* О духе законов / пер. с фр. СПб., 2023.

влияние на Конституцию США, которая еще больше ограничила концентрацию политической власти, обеспечивая скользкие сроки полномочий в ключевых правительственных органах.

Согласно ст. 16 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г., «Всякое общество, в котором не обеспечена гарантия прав и не определено разделение властей, не имеет конституции»¹².

Система сдержек и противовесов – фундаментальный принцип государственного управления, когда различные ветви власти могут предупредить действия других ветвей власти, в том числе вмешиваясь в их компетенции. Концепция сдержек и противовесов восходит к теории смешанного правления Полибия. В том виде, в каком эта концепция понимается в настоящее время, ее сформулировал Дж. Мэдисон, работая над Конституцией США¹³.

Принципиальным, с позиций цели настоящего исследования, здесь является то, что концепция разделения властей была вдохновлена представлением о враждебности государства по отношению к обществу и человеку и об огромной ценности индивидуальности, понятие которой было сравнительно молодо в эпоху зарождения современной (не античной и средневековой, а Нового времени) концепции разделения властей. Ценность индивидуальности, а не общества и не государства представлялась тогда чем-то крайне революционным. Поэтому целью прогрессивной общественной мысли было защитить индивида от произвола власти; вся концепция разделения властей пронизана темой именно защиты

от произвола. Наиболее защищенным индивид представлялся на максимальном удалении от политики.

Дж. Локк разграничил понятия *личность*, *общество* и *государство*, поставив аксиологически личность выше общества и государства. Основное назначение государства Дж. Локк видел в защите естественных прав личности. Исходя из логики того, что естественные права личности понимались тогда негативистски – не как права на политическое участие, а как права на автономию от государства, из данной функции государства Дж. Локк вывел разделение властей с приоритетом законодательной власти¹⁴, хотя он и не формулировал понятие трех ветвей власти и необходимость их разделения так, как это сделал впоследствии Ш. Монтескье.

Наибольшее влияние на восприятие естественных прав человека именно как прав на автономию от государства оказал Т. Гоббс, поскольку он считал государство злом, хотя и меньшим, чем отсутствие государства¹⁵.

Идея обеспечения личной свободы в пределах и на основе законов, трактуемых как средство удовлетворения естественных человеческих потребностей, опиралась на концепцию минимального вмешательства государства в экономику и социальную сферу. Ключевым здесь являлось ограничение вмешательства государства в жизнь индивида и стремление к обеспечению индивидуальной свободы (от государства). Конституционализм возник как необходимость для обеспечения в государстве свободы личности, представляя собой систему

¹² Декларация прав человека и гражданина, установленная национальным собранием в заседаниях 20, 21, 23, 24 и 26 авг. 1789 и внесенная в заголовок конституции [1791]. М., 1906. С. 20.

¹³ См.: Мэдисон Д. Федералист № 51: О средствах обеспечения независимости каждого из отделений власти // Гамильтон А., Мэдисон Д., Джей Д. Федералист: Полит. эссе А. Гамильтона, Д. Мэдисона и Д. Джея. М., 1993. С. 287–292.

¹⁴ См.: Локк Дж. Второй трактат о правлении // Локк Дж. Два трактата о правлении. М., 2009.

¹⁵ См.: Гоббс Т. Левиафан. М., 2013.

конституционно-правовых механизмов, направленных на защиту этой свободы.

Б. Г. Капустин считает, что главная истина индивидуалистических основ раннего либерализма, не осознанная до конца его создателями, заключалась в том, что человек, хотя и является продуктом общества, получает возможность свободно определять себя по отношению к нему¹⁶.

По мнению И. Д. Осипова, важнейшей в либерализме является философия субъективного и объективного права, разработка категории субъективных прав личности [14, с. 22].

В основе принципа разделения властей лежали концепции естественных прав человека и государства как продукта общественного договора, которые впоследствии получили название классического юснатурализма и контрактуализма. Ирония состояла в том, что последние явились составной частью антиабсолютистской и антифеодальной программы со своими идеями прав лица и ограничения всевластия государства посредством провозглашения незыблемости прав и свобод человека и гражданина и последовательным проведением в жизнь принципа разделения властей. Вторую же часть этой программы, вернее, первую и важнейшую составляла доктрина народного суверенитета, сформулированная Ж.-Ж. Руссо¹⁷. Впрочем, у истоков юснатурализма и контрактуализма стоял он же. Эти две части противоречили одна другой, хотя революционную задачу они выполнили на рубеже XVIII и XIX вв. с укоренением в общественном сознании и общественной практике идей Великой французской революции.

Однако эта программа содержала в себе внутренние противоречия.

Теоретические расхождения между классическим юснатурализмом и контрактуализмом, а также идейная уязвимость философской доктрины естественных прав человека привели к тому, что с середины XIX в. догматическое правоведение начало отрицать концепцию естественных прав человека (позитивистские теории права). Это дало повод П. И. Новгородцеву, автору концепции возрожденного естественного права, объяснить кризис либерального сознания тем, что первоначальная концепция естественных прав содержала внутренние противоречия [13].

Проблема состоит в том, что концепции защиты индивида от государства противоречат идее расширения политического участия. В самом деле, для того, чтобы индивид приблизился к политике, он должен перестать желать максимально дистанцироваться от него государство. Концепции народного суверенитета и прав человека противоречат друг другу и даже исключают друг друга. На это противоречие, в частности, обращал внимание Г. Еллинек¹⁸. С. А. Котляревский обращал внимание на неубедительность философских оснований теории, в которой идея народного суверенитета, разделения властей и прав человека и гражданина существуют одновременно [10].

Абсолютное господство народной воли несовместимо с неотъемлемыми правами личности, тогда как строго реализованная концепция прав человека исключает возможность неограниченного суверенитета – независимо от того, исходит ли он от монарха или от демократического большинства.

Как справедливо отмечал А. А. Керимов¹⁹, именно на этом противоречии основывается критика принципа разделения

¹⁶ См.: Капустин Б. Г. Три рассуждения о либерализме и либералах // Полис. 1994. № 3. С. 14.

¹⁷ См.: Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре / пер. с фр. М., 2012.

¹⁸ См.: Еллинек Г. Декларация прав человека и гражданина / пер. с нем. М., 1906.

¹⁹ См.: Керимов А. А. Указ. соч. С. 71.

властей советскими идеологами, согласно которой принцип разделения властей мог быть заменен принципом их единства в сфере законотворчества и исполнительного контроля.

Характерно, что В. И. Ленин категорически отрицал принцип разделения властей²⁰, что подтверждает тезис о том, что обеспечение широкого политического участия масс, к которому, безусловно, стремились коммунисты, плохо совместимо с негативистской трактовкой прав человека, из которой вырастает концепция разделения властей. Той же логики придерживался и А. Грамши²¹.

Правоту представления о том, что концепция прав человека (в ее негативистском понимании) противоречит концепции народного суверенитета, подтвердили мыслители XIX в. Б. Констан²², А. де Токвиль²³, Дж. Ст. Милль²⁴. Они отстаивали свободу и автономию индивида уже не от абсолютистского государства, а именно от государства народного суверенитета. В начале XX в. эту мысль развивал Е. Н. Трубецкой [16].

Если иметь в виду способность выражать представительное начало в выборном должностном лице, необходимо включить в теоретическую рамку настоящего исследования концепцию плебисцитарной (вождистской) демократии, созданную М. Вебером²⁵. Однако он связывал свою концепцию плебисцитарного лидерства с теорией типов легитимности, в частности с харизматическим типом легитимного господства, когда политический лидер поль-

зуется доверием населения, уверенностью последнего в том, что именно этот лидер выражает интересы народа, и получает поддержку от народных масс, минуя институты – через выборы или референдумы (плебисциты). Более современное понимание плебисцитарной демократии связывает ее с опытом Пятой республики во Франции, когда условия существования высокоразвитого индустриального общества требуют концентрации всей политической и административной власти в руках динамичного общенационального лидера, опирающегося непосредственно на волеизъявление нации, выраженной через плебисцит. В таком виде теория плебисцитарной демократии еще называется теорией рационализованного парламентаризма, а модель парламентаризма, созданная в рамках этой теории, получила название германской.

Таким образом, рассмотрение категории представительного начала как производной решения проблемы определения народной воли требует обращения к следующим теоретическим традициям:

1. Теории несовершенства представительной демократии по сравнению с прямой, развитой, в частности в системе взглядов П. И. Новгородцева, советской концепции государственного управления и современных исследованиях, связавших это несовершенство с особенностью современных политических процессов.

2. Теории разделения властей в связи с теорией народного суверенитета, а также в связи с ее обусловленностью ценностями

²⁰ См.: Ленин В. И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революцию // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. М., 1969. Т. 33. С. 46.

²¹ См.: Грамши А. Гегемония (гражданское общество) и разделение властей // Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради. М., 1959. С. 172–213.

²² См.: Констан Б. О свободе древних по сравнению со свободой современных / пер. с фр. М., 1994.

²³ См.: Токвиль А. де. Демократия в Америке / пер. с фр. М., 1992.

²⁴ См.: Милль Дж. Ст. О свободе. М., 2002.

²⁵ См.: Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644–706.

индивидуализма и негативистски понимаемых прав человека.

3. Обоснованию неуниверсальности разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную с помощью обращения к античным теоретическим традициям.

4. Теориям плебисцитарной демократии.

5. Теориям, решающим проблему невозможности формирования единой народной воли из-за неоднородности народа.

Важнейшим для настоящего исследования является определение, стоит ли теоретик, определяющий народную волю, на позиции априорной установки, согласно которой индивидуумы рассматриваются как первичные по отношению к обществу (атомистской априорной установки), или же на позиции противоположной установки (холистской), согласно которой общество первично, оно больше, чем сумма составляющих его индивидуумов, поскольку предопределяет их природу.

Соответственно, теоретическую рамку настоящего исследования составляют ведущие традиции атомистского или же холистского направления, восходящие к А. Маршаллу и теориям рационального выбора, или же к Э. Дюркгейму и К. Марксу.

Во взглядах русских политико-правовых философов конца XIX – начала XX в., размышляющих о том, каким могло бы быть идеальное конституционное устройство России, стоявшей на распутье выбора этого конституционного устройства, очень ярко проявляется наличие априорных установок, соответствующих атомистскому или же холистскому подходу. В зависимости от этих установок мыслители формулируют категорию народной воли или же констатируют невозможность существования таковой как единого феномена. И уже в зависимости от определения народной воли данные теоретики видят выражение представительного

начала в разных институтах. Поэтому в фокусе настоящего исследования в соответствии с заявленным теоретическим подходом находятся концепции М. М. Ковалевского, С. А. Котляревского, В. М. Гессена, Л. И. Петражицкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского.

Методологическую основу исследования составляют элементы концептуального анализа, идеалтипического моделирования и сравнительно-исторического метода.

Концептуальный анализ позволяет выявить и прояснить априорные основания философских теорий – атомистские или холистские установки, детерминирующие определение народной воли.

Идеалтипический подход (веберовская традиция) применяется для реконструкции представлений о народной воле как теоретической категории.

Сравнительно-исторический метод используется для сопоставления концепций идеального конституционного устройства (воплощения представительного начала в определенных институтах), зависящих от принятой философами онтологии общества и индивида.

Результаты исследования

Гипотеза настоящего исследования состоит в следующем. Если какая-либо теоретическая позиция предопределяется холистской априорной установкой, из нее следует признание существования народной воли как целостного феномена, в котором преодолевается разнообразие индивидуальной воли. Из определения народной воли как целостного феномена вытекает видение возможности воплощения представительного начала не только в традиционных формах парламентской демократии, но и в каких-то иных формах. Верным является и обратное утверждение: атомистская априорная установка, лежащая в основе правовых и политических взглядов какого-либо философа, предопределяет отрицание

этим философом народной воли как целостности. Это, в свою очередь, влияет на его представление об идеальном конституционном устройстве как удовлетворяющем признакам классической парламентской демократии со строгим разделением властей, призванным защищать ценности индивидуализма, и воплощением представительного начала исключительно в законодательном органе.

Анализ политико-правовой теории М. М. Ковалевского полностью подтверждает гипотезу. М. М. Ковалевский исходит из холистской априорной установки, вдохновляясь концепциями Э. Дюркгейма и Л. Дюги. Он считает, что коллектив выражает интересы индивидов тоже. М. М. Ковалевский отмечает, что коллективный интерес не противостоит индивидуальным интересам, нет коллективного интереса, противоположного индивидуальному. Народную волю М. М. Ковалевский считает монолитной, не разбивающейся на индивидуальные интересы, а парламентское начало, воплощенное в законодательном органе власти, отрицает. Он является сторонником монархии [6], поскольку считает, что форма правления никак не детерминирует демократические принципы [7, т. 4, с. 52–54].

Последний тезис сходен с воззрениями советских идеологов, согласно которым юридическая демократия без социальной не имеет отношения к воплощению представительного начала. У М. М. Ковалевского есть сходство с советскими концепциями политического устройства государства и в других аспектах. Так, он задумывался о социальной базе власти [8], что совершенно нетипично для политико-правовой мысли, не различал государственного управления и местного самоуправления [6, с. 7], точно так же, как и сторонники Советов, в которых последние видели воплощение власти народа, орган одновременно и государственного управления, и местного самоуп-

правления. Это отражает общее для данных теоретиков стремление отринуть вместе с концепцией разделения властей и то, из чего она проистекала, – враждебность государства гражданскому обществу. М. М. Ковалевский создал модель формы правления, в которой государственные органы были схожи с Советами СССР.

Таким образом, М. М. Ковалевский исходил в своих воззрениях из холистской априорной установки. Из его отрицания противопоставления интересов индивидов и коллектива следует, что он допускал существование единой народной воли и был убежденным противником разделения властей [6]. Воплощение представительного начала М. М. Ковалевский видел не в разделении, а в слиянии властей и предлагал для этого такую форму, как участие парламента в формировании правительства и утверждении налогов [9]. В этом случае народное представительство участвовало бы не только в законодательной власти, но и в исполнительной.

Холистская априорная установка привела М. М. Ковалевского к признанию существования монолитной народной воли и стремлению воплощения представительного начала в исполнительной ветви власти.

Советская идеология воспроизводит эту же логику. Философия, лежащая в ее основании, исходит из холистской априорной установки, поскольку одной из важнейших фигур, стоящих у ее истоков, был К. Маркс. Народная воля, согласно советской идеологии, является единой, поскольку народ более не состоит из антагонистических классов с взаимоисключающими интересами, и представительное начало проявляется не только в законодательной ветви власти, но и в исполнительной и судебной, если это разделение властей вообще является неснятым и непреодоленным.

Мысль о том, что представительное начало должно воплощаться не только в зако-

нодательной, но и в исполнительной ветви власти, есть и у С. А. Котляревского, который считал, что народ посредством представительства проникает в разные ветви власти: ответственный перед парламентом кабинет гарантирует представительство народа не только в законодательной, но и в исполнительной ветви власти [11].

Феномен национальной воли С. А. Котляревский признает в форме народного самоопределения. Тем не менее он выделяет интересы большинства и меньшинства и крайне заботится о правах последнего. При этом он исходил из априорной установки о первичности индивида перед обществом, утверждая ценность личности как высшую правовую и политическую категорию, из которой должны вытекать принципы организации общества и власти, а не наоборот.

Теорию С. А. Котляревского можно в какой-то мере назвать синтетической, однако она подтверждает гипотезу исследования: атомистская априорная установка приводит к отрицанию категории монолитной народной воли, и представительство видится в классических формах; пожелание видеть представительное начало и в исполнительной ветви власти не нарушает традиционного представления о разделении властей.

Примером принятия атомистской априорной установки является теория В. М. Гессена. Согласно ему, интересы индивидуальной воли очень важны и они не суммируются в единую народную волю, а противостоят воле некоего враждебного целого, воплощенного во власти государства, которое представляет угрозу для индивидуальной воли. Другими словами, В. М. Гессен видел государство и гражданское общество враждебными противостоящими друг другу началами. Как следствие, он был горячим сторонником разделения властей [2, с. 120], считал разделение властей необходимым признаком правового государства, отсут-

ствии же разделения властей – признаком произвола. Существование единой народной воли В. М. Гессен отрицал, считая, что представительное правление может лишь преобразовать сумму индивидуальной воли во мнение нации [1, с. 128]. Отрицание феномена народной воли закономерно приводит В. М. Гессена к отрицанию за народом права осуществлять государственную власть и видению представительного начала исключительно в законодательном органе власти. Таким образом, теория В. М. Гессена также подтверждает гипотезу исследования.

Л. И. Петражицкий исходит из априорной установки первичности индивида по отношению к обществу. В его концепции право рассматривается как психический феномен личности. Он фактически отрицал общую народную волю как категорию, трактуя ее в духе свободного согласия индивидуальной воли [15, с. 7–8, 30–32]. Соответственно, представители, по его мнению, должны выражать волю индивидов, а не навязывать им некую абстрактную общую волю. Л. И. Петражицкий не был политическим теоретиком в строгом смысле, и его основное внимание было сосредоточено на психологии права. Тем не менее в его работах есть признание важности ограничений власти и баланса, что близко к идее разделения властей.

П. И. Новгородцев как видный представитель либеральной философии и правовой мысли также исходит из атомистской априорной установки. Он считал, что общество существует ради индивидов, а не наоборот – индивид обладает естественными правами, которые предшествуют и ограничивают власть общества и государства. Для ученого народная воля представляет собой сумму воли индивидов, а не нечто большее, чем эта сумма. Представительное начало П. И. Новгородцев видел исключительно в законодательном органе власти и был сторонником разделения властей и системы сдержек и противовесов. Теория П. И. Нов-

городцева полностью подтверждает гипотезу исследования и является ее яркой иллюстрацией.

Б. А. Кистяковский исходил из априорной установки первичности общества по отношению к индивидам. Он был представителем неокантианства и органической теории государства и права, в рамках которых общество рассматривается как целостный организм, а индивиды – как его часть. Б. А. Кистяковский утверждал, что общество имеет собственную объективную реальность и нормы и именно через общество индивид может реализовать себя и свои права. Он критиковал крайний индивидуализм и атомистическое понимание общества, характерное для либеральных теорий.

В философско-правовой концепции Historical heritage Б. А. Кистяковского отчетливо сформирована концепция единой народной воли. При этом он поддерживал идею разделения властей, хотя и не абсолютизировал ее [3; 4, с. 282–323]. Представительное начало он видел не так, как его видел классический либерализм, а воплощенным не только в парламенте, но и в судебной системе. По Б. А. Кистяковскому, представительное начало может быть воплощено и в единоличном органе власти при условии, что этот орган служит народной правовой воле. Таким образом, данная теория также подтверждает гипотезу исследования.

Проведенное исследование позволило выявить внутреннюю взаимосвязь между трактовками категории «народная воля» и представлениями о природе представительного начала в различных философско-политических концепциях. Сравнительный анализ показал, что фундаментальная априорная установка мыслителя – атомистская либо холистская – предопределяет не только его понимание возможности существования единой народной воли, но и теоретическое видение механизмов ее институционализации.

Холистский подход, исходящий из представления о целостности общества и вторичности индивида, приводит к признанию народной воли как единого феномена, что, в свою очередь, расширяет пространство возможных форм представительства. В этих условиях представительное начало мыслится не исключительно через парламентскую институцию, но и через иные органы – исполнительные, местного самоуправления, а также через выборных должностных лиц. Такая позиция позволяет по-новому осмыслить соотношение народного суверенитета и государственного устройства, открывая возможность легитимного выражения народной воли вне рамок традиционной парламентской демократии.

Атомистская установка, напротив, исходит из признания первичности индивидуальных интересов и их несводимости к целостному выражению. Это ведет к скепсису в отношении идеи единой народной воли и к восприятию представительного начала преимущественно как деятельности законодательного органа, функция которого сводится к преобразованию и артикуляции индивидуальных и групповых интересов. Соответственно, в данной парадигме усиливается акцент на разделении властей и системе сдержек и противовесов, призванных оградить индивида от произвола государства.

Историко-теоретический обзор также показал ограниченность доминирующей либеральной традиции, которая отождествляет представительное начало исключительно с законодательной властью и связывает его с разделением властей как абсолютным принципом. Подобная интерпретация является продуктом конкретной историко-философской ситуации, ориентированной на защиту индивидуальной автономии от государства, и не исчерпывает многообразия возможных форм выражения народной воли.

Особый интерес вызывает перспектива анализа представительного начала в контексте современных вызовов – цифровизации, трансформации общественного участия и поиска новых форм легитимации власти. Эти процессы стимулируют переосмысление привычных категорий и указывают на возможность выхода за пределы бинарной схемы «парламентаризм vs авторитаризм», которая до сих пор во многом определяет исследовательские подходы.

Таким образом, представительное начало может и должно рассматриваться как производная попытки разрешить проб-

лему определения народной воли, а не как изначально заданный и неизменный элемент политической организации. Его институциональные формы исторически обусловлены и подвержены трансформациям. Теоретический анализ открывает возможность более гибкого понимания представительства – как в коллективных, так и в единоличных институтах власти, что позволяет глубже осмыслить перспективы развития демократических механизмов и конституционных моделей в условиях изменяющейся политической реальности.

Список источников

1. *Гессен В. М.* Основы конституционного права. 2-е изд. Петроград: Издательство юридического книжного склада «Право», типо-литография товарищества А. Ф. Маркс, 1918. 445 с.
2. *Гессен В. М.* Теория правового государства // Политический строй современных государств: сб. ст.: в 2 т. М., 1905–1906. Т. 2. С. 120–131.
3. *Кистяковский Б. А.* Путь к господству права // История русской правовой мысли: биографии, документы, публикации. М., 1998. С. 358–372.
4. *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб.: РХГИ, 1998. 798 с.
5. *Клименко Я. З., Мицкевич Я. К.* Народовластие в Российской Федерации, соотношение конституционных положений и реальности // Вопросы теории и практики избирательного законодательства в связи с проведением выборов в 2018 г.: материалы конф., г. Краснодар, 29 мая 2018 г. Краснодар, 2018. С. 122–126.
6. *Ковалевский М. М.* От прямого народовластия к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму: Рост государства и его отражение в истории политических учений: в 3 т. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1906. Т. 1. 528 с.
7. *Ковалевский М. М.* Происхождение современной демократии. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1897. Т. 4. 352 с.
8. *Ковалевский М. М.* Тени прошлого // Вестник Европы. 1914. № 1. С. 330–335.
9. *Ковалевский М. М.* Что такое парламент? СПб.: Тип. Брокгауза – Ефрона, 1906. 41 с.
10. *Котляревский С. А.* Власть и право: проблема правового государства. М.: Тип. «Мысль» Н. П. Меснянкина и Ко, 1915. 417 с.
11. *Котляревский С. А.* Правовое государство и внешняя политика. М.: Тип. Г. Лиснера и Д. Сабко, 1909. 428 с.
12. *Лакеева А. В.* Проблема реализации принципа народовластия в процессе построения системы государственного управления на современном этапе // Молодой ученый. 2019. № 38. С. 36–39.
13. *Новгородцев П. И.* Введение в философию права II. Кризис современного правосознания. М.: Типо-лит. Т-ва И. Н. Кушнеров и К, 1909. 393 с.
14. *Осинов И. Д.* Либеральная парадигма русской философии // Вестник СПбГУ. Сер. 6: Философия. 1997. Вып. 1. С. 21–26.
15. *Петражицкий Л. И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // Юридический вестник. 1913. Кн. 2. С. 5–59.
16. *Трубецкой Е. Н.* Два зверя (Старое и новое). М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1918. 59 с.
17. *Brown W.* Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. N. T.: Zone Books, 2015. 296 p.
18. *Graeber D.* The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement. New York: Spiegel & Grau, 2013. 326 p.

19. *Harries J.* Cicero and the Jurists. From Citizen's Law to the Lawful State. London: Duckworth, 2006. 256 p.
20. *Ishiyama J.* Has Legislative Power Declined Globally? // *Journal of Legislative Studies*. 2024. Vol. 30, Issue 3. P. 288–309.
21. *Landwehr C., Schäfer A.* The Promise of Representative Democracy: Deliberative Responsiveness // *Res Publica*. 2023. Vol. 31. P. 359–379.
22. *McConalogue J.* The British Constitution Resettled? Parliamentary Sovereignty after the EU Referendum // *British Journal of Politics and International Relations*. 2019. Vol. 21, Issue 2. P. 439–458.
23. *Michener G., Neto O. A., Civitarese J.* The remoteness of democratic representation // *Party Politics*. 2023. Vol. 23, Issue 1. First Publication: 2021. P. 51–64.
24. *Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 236 p.
25. *Millar F.* The Roman Republic in Political Thought. Hanover; London: Brandeis University Press, 2002. 201 p.
26. *Mouffe Ch.* The Democratic Paradox. London: Verso, 2000. 131 p.
27. *Rancière J.* Disagreement: Politics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 204 p.
28. *Stone P.* Popular Rule without Popular Sovereignty // *Democratic Theory*. 2024. Vol. 11, Issue 2. P. 32–46.
29. *Tuck R.* The Sleeping Sovereign: The Invention of Modern Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 295 p.
30. *Žižek S.* Living in the End Times. London: Verso Books, 2010. 504 p.

References

1. *Hessen V. M.* Foundations of Constitutional Law (2nd ed.). Petrograd: Typography and Lithography of the A. F. Marx Partnership, 1918. 445 p. (In Russ.)
2. *Hessen V. M.* Theory of the Rule of Law. Political System of Modern States, 2, 120–131. Moscow: Beseda, 1905–1906. (In Russ.)
3. *Kistyakovskiy B. A.* The Path to the Rule of Law. History of Russian Legal Thought, 358–372. Moscow: Ostozhye, 1998. (In Russ.)
4. *Kistyakovskiy B. A.* Philosophy and Sociology of Law. St. Petersburg: RHGI, 1998. 798 p. (In Russ.)
5. *Klimenko Y. Z., Mitskevich Y. K.* Popular Sovereignty in the Russian Federation: Constitutional Provisions and Reality. Theory and Practice of Electoral Legislation in Connection with the 2018 Elections, 122–126. Krasnodar: Publishing House – South, 2018. (In Russ.)
6. *Kovalevskiy M. M.* From Direct Popular Rule to Representative and from Patriarchal Monarchy to Parliamentarism (Vol. 1). Moscow: I. D. Sytin, 1906. 528 p. (In Russ.)
7. *Kovalevskiy M. M.* The Origins of Modern Democracy (Vol. 4). Moscow: A. I. Mamontov, 1897. 352 p. (In Russ.)
8. *Kovalevskiy M. M.* Shadows of the Past. *Vestnik Evropy* = Bulletin of Europe, 1914, 1, 330–335. (In Russ.)
9. *Kovalevskiy M. M.* What is Parliament? St. Petersburg: Brockhaus-Efron. 1906. 41 p. (In Russ.)
10. *Kotlyarevskiy S. A.* Power and Law: The Problem of the Rule of Law. Moscow: MyslPrinting. 1915. 417 p. (In Russ.)
11. *Kotlyarevskiy S. A.* The Rule of Law and Foreign Policy. Moscow: G. Lissner & D. Sabko, 1909. 428 p. (In Russ.)
12. *Lakeeva A. V.* The Problem of Implementing the Principle of Popular Sovereignty in Modern State Governance. *Moloday utheniy* = Young Scientist, 2019; 38(276): 36–39. (In Russ.)
13. *Novgorodtsev P. I.* Introduction to Philosophy of Law II: Crisis of Modern Legal Consciousness. Moscow: I. N. Kushnerov, 1909. 393 p. (In Russ.)
14. *Osipov I. D.* The Liberal Paradigm of Russian Philosophy. *Vestnik SPbGU, Ser. 6 (Philosophy)* = Bulletin of St. Petersburg State University. Series 6 (Philosophy), 1997; 1(6): 21–26. (In Russ.)

15. *Petrzytsky L. I.* On the Social Ideal and the Revival of Natural Law. *Yuridicheskiy vestnik* = Legal Bulletin, 1913; II: 5–59. (In Russ.)
16. *Trubetskoy E. N.* Two Beasts (Old and New). Moscow: I. D. Sytin, 1918. 59 p. (In Russ.)
17. *Brown W.* Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. New York: Zone Books, 2015. 296 p. (In Eng.)
18. *Graeber D.* The Democracy Project: A History, a Crisis, a Movement. New York: Spiegel & Gray, 2013. 326 p. (In Eng.)
19. *Harries J.* Cicero and the Jurists: From Citizen's Law to the Lawful State. London: Duckworth, 2006. 256 p. (In Eng.)
20. *Ishiyama J.* Has Legislative Power Declined Globally? *Journal of Legislative Studies*, 2024; 30(3): 288–309. (In Eng.)
21. *Landwehr C., Schäfer A.* The Promise of Representative Democracy: Deliberative Responsiveness. *Res Publica*, 2023; 31: 359–379. (In Eng.)
22. *McConalogue J.* The British Constitution Resettled? Parliamentary Sovereignty after the EU Referendum. *British Journal of Politics and International Relations*, 2019; 21(2): 439–458. (In Eng.)
23. *Michener G., Neto O. A., Civitarese J.* The Remoteness of Democratic Representation. *Party Politics*, 2023; 23(1): 51–64. (In Eng.)
24. *Millar F.* The Crowd in Rome in the Late Republic. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998. 236 p. (In Eng.)
25. *Millar F.* The Roman Republic in Political Thought. Hanover; London: Brandeis University Press, 2002. 201 p. (In Eng.)
26. *Mouffe C.* The Democratic Paradox. London: Verso, 2000. 131 p. (In Eng.)
27. *Rancière J.* Disagreement: Politics and Philosophy. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. 204 p. (In Eng.)
28. *Stone P.* Popular Rule without Popular Sovereignty. *Democratic Theory*, 2024; 11(2): 32–46. (In Eng.)
29. *Tuck R.* The Sleeping Sovereign: The Invention of Modern Democracy. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. 295 p. (In Eng.)
30. *Žižek S.* Living in the End Times. London: Verso Books, 2010. 504 p. (In Eng.)

Поступила 11.08.2025.

Сведения об авторе

Зуев Олег Евгеньевич – аспирант кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (Саранск, Россия). Сфера научных интересов: социально-философский и политический анализ идеи усиления представительного начала в организации власти в России. Автор 10 научных работ. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9643-0634>.

E-mail: sura75_2010@mail.ru

Submitted 11.08.2025.

About the author

Oleg Ev. Zuev – Postgraduate Student at the Department of General History, Political Science, and Regional Studies, at the National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russia). His research interests include the socio-philosophical and political analysis of the idea of strengthening the representative principle in the organization of power in Russia. He has authored 10 scientific papers. ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-9643-0634>.

E-mail: sura75_2010@mail.ru